

Шлем Хайме I Завоевателя (слева), короля Арагонского (1213–1276). Эфес меча Фердинанда III (справа), короля Лиона (1230–1252)

кого я оскорбил и кто желал бы пожаловаться на меня, то пусть он выступит вперед. Я хочу удовлетворить такого, как имею обычай всегда так поступать с теми, которые жалуются на меня и на моих людей». И таким образом я поступал, как то знают все в той стране и на моих землях. А чтобы не иметь споров, я верил всему, что они представляли, без возражений. Делал же я то для того, потому что не желал отнимать и одного денария несправедливо. Для своих расходов я заложил своим друзьям большое количество земель, так что у меня осталось не более 1200 ливров поземельного дохода. Госпожа же мать моя еще жива и в качестве вдовы пользовалась большей частью моего имущества. Я отправился с 10 рыцарями, как то сказано выше, и с тремя знаменами. И рассказываю я все это, чтобы вы видели, что если бы не помощь Божия, то я не перенес бы такой тяжести в течение 6 лет, которые я провел в странствовании по святым местам...

Знайτε, что перед своим отправлением король потребовал всех баронов Франции в Париж и приказал им дать присягу и клятву (*foy et hommage*) в том, что они сохранят верность его детям и не предпримут ничего дурного во время его пилигримства в заморскую страну. Он потребовал к себе также и меня. Но я, не будучи его подданным¹, вовсе не хотел давать присяги при том

я не имел намерения оставаться дома. Когда же я хотел отправиться и пуститься в дорогу, я послал за аббатом Шеминона, которого считали в то время разумнейшим из всего ордена белых, чтобы примириться с ним. Он снарядил меня, подвязал шарфом и вложил в руки посох. И после того я отправился из Жоанвиля и больше не входил в него до самого возвращения из пилигримства в Св. землю. Прежде всего я совершил странствование в соседние местечки, а именно, в Блекур к св. Урбану, и другие, находившиеся поблизости Жоанвиля; ходил же я пешком, босоногий и в рубашке. И когда я возвращался из Блекура к св. Урбану, мне пришлось проходить мимо замка Жоанвиля, и я не смел обернуться к Жоанвилю, опасаясь испытать слишком большую грусть; и сердце мое почувствовало жалость, ибо я там оставлял своих двух детей и удалялся от своего прекрасного замка Жоанвиля, страстно любимого мной. И меня повлекли дальше граф Салебрюль, мой спутник, и мои люди и рыцари, и мы обедали в Фонтень-Аршевек, перед Донжé. И там аббат св. Урбана – да будет к нему милостив Бог – дал мне и моим рыцарям

¹ Жап Жоанвиль был француз, но не хотел давать присяги французскому королю, потому что по феодальному праву считал себя вассалом графов Шампани.